

УДК 39
ГРНТИ 03.61.91

**МАРКЕРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ МАНСКОГО
РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

**MARKERS OF ETHNOCULTURAL IDENTITY OF BELARUSIAN
PEASANTS-MIGRANTS IN MANSKY DISTRICT OF KRASNOYARSK
REGION**

Федоров Роман Юрьевич
Тюменский научный центр СО РАН, г. Тюмень, Россия

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 18-09-00028*

Ключевые слова: белорусы, Сибирь, крестьянские переселения, Манский район, Красноярский край, этнокультурная идентичность.

Key words: Belarusians, Siberia, peasant migrations, Mansky district, Krasnoyarsk Krai, ethnocultural identity.

Аннотация. Исследование опирается на материалы этнографической экспедиции, проведенной в 2017 г. в местах компактного проживания потомков белорусских крестьян-переселенцев начала XX в. на территории Манского р-на Красноярского края. В ходе нее были выявлены наиболее стойкие особенности традиционной культуры, привнесенные предками переселенцев из мест выхода. Сделан вывод о том, что потомки переселенцев достаточно быстро прошли процесс ассимиляции, сохранив при этом в исторической памяти некоторые маркеры этнокультурной идентичности, присущие белорусам.

В 2017 году нами была проведена этнографическая экспедиция в местах проживания потомков белорусских крестьян-переселенцев на территории Манского района Красноярского края. В ходе экспедиции были опрошены представители второго и третьего поколений переселенцев, рожденные в 1920-х – 1940-х гг., проживающие в районном центре – с. Шалинском, а также в деревнях Кияй, Пимья, Покосное, Орешное, Нарва, Кирза, Сугристовое и Выезжий Лог.

Основным мотивом переселений сюда крестьян из Белоруссии являлось малоземелье: «Моя мама приехала сюда девочкой одиннадцати лет. Память у нее была очень цепкая, и она мне все рассказывала о жизни в Белоруссии. Когда у них косили, если староста обнаружит что ты закосился на соседнюю территорию, он берет косу и прихватывает столько

же от твоей. У каждого были даже свои березки, из которых в весеннее время добывали сок. Мама говорила, на родине хлеба не хватало, чтобы от нового до нового» (Полевые материалы автора, далее – ПМА, д. Выезжий Лог, женщина, 1939 г.р.). На этом фоне, рассказы ходоков о природных богатствах Сибири для многих белорусских крестьян являлись вескими аргументами для того, чтобы решиться на переселение.

Большинство участков, отведенных для переселенцев, были заняты лесом, который необходимо было раскорчевывать. Больше всего ценились участки, на которых рос березовый лес, так как на них был плодородный чернозем, тогда как земля, занятая хвойным лесом считалась малопригодной для земледелия. Первоначально, значительная часть переселенцев селилась на хуторах, которые просуществовали до их ликвидации в конце 1930-х – начале 1940-х гг. в период активного колхозного строительства в Сибири. По воспоминаниям местных жителей, большинство хуторов назывались по имени их основателей: Морозов хутор, Никифоров хутор, Клементьев хутор, Терентьев хутор, Прокопьев хутор. Поселившись на отведенном им участке, переселенцы зимовали в землянках. Для строительства дома собирали помочи, которые переселенцы часто называли словом «толока».

Ввиду того, что этническое самосознание большинства белорусских крестьян на момент переселений еще не было сформировано, среди них преобладала региональная самоидентификация. В соответствии с ней, представители первого поколения переселенцев называли себя «могилевскими», «витебскими» и т.д. по губерниям, из которых они были родом. Когда в 1950-е гг. потомкам белорусских переселенцев начали выдавать паспорта, большинство из них указывали национальность «русский». Несмотря на это, многие из опрошенных нами информаторов продолжают отождествлять своих предков с белорусами. На вопрос об отличии белорусов от других восточнославянских переселенцев жительница д. Кияй, 1935 г.р. отмечала: «У них своя одежда, свои обряды, говор. Имена на свой лад – Алена, Микита».

Анализ устных рассказов потомков переселенцев позволил нам выявить отдельные, наиболее стойкие маркеры этнокультурной идентичности, привнесенные из мест выхода их предков, а также проследить их трансформации.

По рассказу жительницы д. Пимья, 1932 г.р. в ее семье долгое время сохранялась белорусская традиция называть наиболее значимые праздники рождественского цикла (Коляд) словом «Кутья». Неотъемлемой частью рождественских праздников были колядования, на которые в некоторых деревнях ходили со звездой. Для ее изготовления на деревянный каркас натягивали бумагу, которая изнутри подсвечивалась свечами. Колядующие наряжались в вывернутую шубу, изображая медведя, из коромысла и валенка делали коня, на котором «въезжали в дом», надевали маски

различных святочных персонажей, пели колядки и щедровки. В рождественские дни во многих деревнях молодежь нередко совершала различные «бесчинства». Наиболее часто они сводились к тому, что молодые люди могли подпереть или приморозить входную дверь во двор соседей, рассыпать сложенную у забора поленницу и т.д.

Церковный праздник Сретенье отмечался во многих семьях переселенцев, однако его белорусское народное название «Грамницы» сегодня употребляется редко. Также как и русские, проживавшие в Сибири, белорусские переселенцы Манского р-на выпекали в день памяти Сорока Севастийских мучеников фигурное печенье из пресного теста в виде птиц, которое чаще всего называли словом «сороки». В рассказах потомков переселенцев сохранились воспоминания о белорусском народном празднике Гуканне вясны, который, как правило, был приурочен к церковному празднику Благовещенье. В этот день девушки собирались на возвышенном месте и «кликали весну». Для этих целей исполнялись специальные обрядовые песни или хором издавались специальные крики-заклинания. На Пасху ветвями пихты устилали пол домов, их также втыкали в рамки для фотографий и за иконы. На Троицу дома украшали ветвями березы. По воспоминаниям жительницы д. Покосное, 1934 г.р., в их деревне на Купалу разводили большой костер возле реки, вокруг которого водили хоровод. Собравшиеся у реки девушки плели венки и кидали их в воду. Костры из засохших березовых веток, оставшихся после украшения дома на Троицу, разжигали на перекрестках улиц. Описанные детали типичны для белорусов, тогда как для русских разведение костров на Иванов день не было характерно [1, с. 396].

На сегодняшний день традиционные для белорусов поминальные дни под названием Деда редко отмечаются в семьях потомков переселенцев. У некоторых представителей старшего поколения жителей д. Кияй сохранились воспоминания о том, что первопоселенцы деревни отмечали Деда четыре раза в году. Затем в отдельных семьях этот праздник сохранился лишь фрагментарно и чаще всего отмечался в ноябре на Дмитриевскую субботу или в декабре на Николу.

Белорусские переселенцы ходили на кладбище на Родительский день (Радуницу), в некоторых случаях – на Пасху. По рассказу жительницы с. Шалинское, 1934 г.р., раньше на Родительский день все жители деревни посещали кладбище вместе, обходя могилы от его ворот до самого свежего захоронения. На могиле расстилали рушник, на который ставили поминальные блюда. Эта традиция исчезла, когда около могил начали устанавливать столики. В ряде переселенческих деревень Манского р-на раньше на кладбищах стояли общие столы, за которыми собирались на коллективные поминки. У белорусских переселенцев днями поминовения предков также являлись Троицкая суббота либо сама Троица. Среди поминальных блюд потомками переселенцев наиболее часто упоминались

кутья из цельной пшеницы, блины, котлеты и кисель. В д. Кияй существовал обычай каждому жителю деревни приносить на поминки свою еду.

Особенности разных компонентов традиционной материальной культуры белорусских переселенцев Манского р-на сохранились неравномерно. Вплоть до 1960-х гг. в большинстве семей делали домотканую одежду из льна. В советское время лен также часто сеяли для нужд колхозов. Из него в основном изготавливали веревки и мешки. Из льна шили холщевые рубахи, штаны, юбки, а также полотенца, скатерти, простыни и покрывала. В качестве естественных красителей часто использовали листовую кору, которую выпаривали. Она придавала одежде коричневый цвет. Покупные ситцевые рубашки и платья могли себе позволить далеко не все семьи. Девушки и женщины, которые их имели, чаще всего одевали их лишь на праздники. В более зажиточных семьях переселенцев верхняя женская одежда была ситцевой, а нижняя – холщевой.

В большинстве деревень Манского р-на в которых проживают потомки белорусских крестьян-переселенцев особенности строительной культуры, привнесенной из мест выхода к настоящему времени оказались практически утраченными. На эту ситуацию оказал влияние ряд факторов. К наиболее распространенным из них можно отнести пожары, уничтожившие первоначальную застройку отдельных переселенческих деревень, а также ликвидацию хуторов, повлекшую за собой переезд переселенцев в конце 1930-х – начале 1940-х гг. в сравнительно крупные деревни, в которых были основаны колхозы. В связи с этим, на сегодняшний день в деревнях Манского р-на сохранились лишь единичные жилые и хозяйственные постройки первого поколения переселенцев. При этом, несмотря на заимствования и модернизации многих строительных приемов, белорусские особенности терминологии, связанной с жилыми и хозяйственными постройками оказались достаточно стойкими. К ним можно отнести часто встречающиеся случаи названия дома словом «хата», сарая – «пуней» и т.д.

Наиболее устойчивым компонентом материальной культуры белорусских крестьян-переселенцев Манского р-на является пища. Д.К. Зеленин отмечал, что для белорусов было характерно употребление ржаного хлеба, тогда как пшеничный хлеб им был практически не знаком [1, с. 142–143]. Большинство потомков переселенцев, проживавших в обследованных деревнях, отмечали, что в их семьях на протяжении долгого времени выпекался только ржаной хлеб. Повсеместное распространение пшеничного хлеба относят лишь к послевоенному времени. Среди блюд из круп широкое распространение имели каши, кулага, затирки и клёцки. В некоторых семьях переселенцев любили

выпекать печенье из смеси пшеничной муки и толченой красной смородины.

В рационе белорусских крестьян Манского р-на значительное место занимал картофель. Его употребляли в отварном, жареном и запеченном виде. Картофель также выступал в качестве основного ингредиента для таких блюд, как драники, бабка и комы. Второй по значению овощной культурой после картофеля была капуста. Ее часто тушили в русской печи с мясом или салом, использовали для приготовления супов, а также начинки для пирожков. Из мяса преобладала свинина. Домашние колбасы считались преимущественно праздничным блюдом. В некоторых семьях потомков переселенцев до сих пор сохранились традиции приготовления кровяных колбас, не встречавшихся у русских [1, с. 147]. В их рецептах были выявлены инновации, связанные с адаптацией культуры питания переселенцев к новым условиям. Так, для приготовления колбас кроме свиной крови могут использовать говяжью, а также кровь лося или марала. Со второй половины XX в. в рационе питания белорусов помимо свинины возросла роль говядины, баранины и куриного мяса. Потомки переселенцев отмечали, что пельмени были незнакомы их предкам, жившим в Белоруссии, однако со второй половины XX в. их стали делать во многих семьях. Из супов чаще всего готовили щи, борщ и крупеню. Благодаря обилию рыбы, переселенцы значительно чаще стали делать уху. Для ее приготовления использовали, как свежую рыбу, так и сделанные ранее запасы. Для длительного хранения рыбу засаливали в бочках или сушили.

В зафиксированных в ходе экспедиции устных рассказах потомков белорусских переселенцев Манского р-на обращает на себя внимание то, что народная память, в большинстве случаев, сохранила лишь отдельные детали определенных компонентов традиционной национальной культуры. При этом многие информаторы испытывали затруднения при просьбе подробно описать все составляющие тех или иных праздников и обрядов, навыков традиционной хозяйственной деятельности и т.д. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что потомки белорусских переселенцев, проживающие в Манском районе Красноярского края, достаточно быстро прошли процесс ассимиляции, сохранив при этом в исторической памяти некоторые маркеры этнокультурной идентичности, которые присущи белорусам.

Литература

1. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М.: Наука, 1991. – 511 с.